

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Исследовательская статья

УДК 316.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-2

Юсупов М. М.

Социальное выживание в условиях регионального
вооруженного конфликта

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
улица Шерипова, дом 32, Грозный, 364024, Россия
musa_y17@hotmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социального выживания в условиях регионального конфликта. В качестве объекта анализа выступают социально-демографические группы разных национальностей и вероисповедания. Предметом исследования являются формы и способы социального выживания в экстремальной конфликтной ситуации. В исследовании применен подход социокультурный и деятельный, использовался метод социологического наблюдения, измерения переменных, характеризующих источники выживания, социальное самочувствие, ощущение безопасности, ценностные ориентации. *Результат:* в исследовании выявлено, что социальное выживания имеет свою специфику в разные этапы протекания конфликта. Установлено, что в ситуации дезорганизации, разрыва привычных социальных связей, выживание требует в местах локации людей самоорганизации, определения норм и правил поведения, мер безопасности, выстраивания культуры общежития адекватно экстремальной военной обстановке. Отмечается разное восприятие кризиса, позитивное ожидание и негативное опасение в региональной общности, ухудшение жизни за время конфликта трех четверти населения, острота потребности в пище и безопасности в зоне боевых действий, роль в самосохранении солидарности и взаимопомощи. Выясняется значение религии в укреплении самообладания и надежды, мотивации на самосохранение и самозащиту. Формулируется вывод о перерастании посттравматических стрессов в культурные травмы. В перспективе считается необходимым отслеживать социальное выживание и социальные настроения в условиях поствоенного возрождения и развития региона.

Ключевые слова: конфликт; война; выживание; безопасность; потребности; самосохранение; самоорганизация

Информация для цитирования: Юсупов М. М. Социальное выживание в условиях регионального вооруженного конфликта // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 9-20, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-2.

Musa M. Yusupov

Social survival in a regional armed conflict

A. A. Kadyrov Chechen State University
32 Sheripov St., Grozny, 364024, Russia
musa_y17@hotmail.com

Abstract. The article discusses the features of social survival in the context of a regional conflict. The object of analysis is the socio-demographic groups of different nationalities and religions. The subject of the study is the forms and methods of social survival in an extreme conflict situation. The study applied a sociocultural and active approach, used the method of sociological observation, measuring variables characterizing the sources of survival, social well-being, a sense of security, and value orientations. Result: The study revealed that social survival has its own specifics at different stages of the conflict. It has been established that in a situation of disorganization, rupture of habitual social ties, survival requires self-organization in places where people are located, the definition of norms and rules of behavior, security measures, building a culture of community life adequately in accordance with the military situation. There is a deterioration in life during the conflict of three-quarters of the population, the acute need for food and security in the war zone, the role of solidarity and mutual assistance in self-preservation. The importance of religion in strengthening self-control and hope is revealed. In the future, it is considered necessary to monitor social survival and social moods in the context of the post-war revival and development of the region.

Keywords: conflict; war; survival; security; needs; self-preservation; self-organization

Information for citation: Yusupov, M. M. (2023), "Social survival in conditions of regional armed conflict", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 9-20, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-2.

Введение (Introduction). Со времен древности человек, общины, общества выживали первоначально, находясь в сильной зависимости от природы и природной стихии. В последующем по мере культурной адаптации к природной среде складывается социальная зависимость, которая менялась с изменением формации, способа производства, трансформации аграрного общества в индустриальное и информационно-технологическое.

В современную эпоху трудности и угрозы социальному выживанию не уменьшились, особенно в развивающихся и транзитных странах. В мире растет дифференциация по уровню технологического развития, доходов на душу населения, углубля-

ется социальное неравенство, периодически вспыхивают в разных регионах внутригосударственные и межгосударственные конфликты. Они влекут тяжелые социальные, культурные и гуманитарные последствия, формируется травмированная память о конфликтных событиях.

Длительный период возникновения и развития регионального конфликта пережили на территории Чеченской Республики. На разных этапах протекания конфликта существовали разные условия социального выживания.

Проблема состоит в том, что в период развития конфликта истощаются экономические ресурсы региона, материальные возможности семей, наблюдается социальная

дезорганизация, резкое ослабление функциональной роли этических и правовых норм, разрываются социокультурные связи, обесценивается противоборствующими силами жизнь человека. В то же время испытывается недостаток эффективных механизмов урегулирования кризисной ситуации, отсутствие действенных способов оказания неотложной помощи пребывающим в экстремальной обстановке, в зоне военных действий.

В данной статье предпринята попытка осветить некоторые аспекты социального поведения индивидов и групп в кризисной ситуации. Объектом исследования были определены социально-демографические и национальные группы населения, предметом изучения являлись формы и способы выживания в военных и поствоенных условиях возрождения региона. Цель – раскрыть способ выживания через специфику социальной адаптации к экстремальной ситуации и самоорганизации в чрезвычайной военной и поствоенной обстановке. Научная новизна исследования состоит в изучении форм и способов социального выживания, ценностной предопределенности действий, поступков в конфликтной и постконфликтной ситуации.

В основной гипотезе предполагается, что потребность самосохранения и выживания в военной обстановке активизирует проявления солидарности и взаимопомощи среди мирных граждан, но возможны ситуативные конфликты по причине разного восприятия военного события в зависимости от национальной принадлежности и политических взглядов.

Многие исследователи понимают «выживание» (survival) как активную деятельность человека, направленную на сохранение жизни, здоровья и работоспособности в экстремальных условиях. Социальное выживание представляет собой комплекс мероприятий, направленных на жизнеобеспечение, демографической и культурной преемственности, сохранение здоровья и трудоспособности в чрезвычайных

обстоятельствах, самоорганизацию и саморегулируемое поведение в экстремальных местах локализации.

Методология и методы (Methodology and methods). Проблема выживания человека и общностей рассматривалась в работах Э. Дюркгейма, А. Вебера, Р. К. Мертон, Дж. Г. Мида и других классиков социологии. Они видели основной фактор выживания в адаптации к изменяющимся природным и социальным условиям. На взгляд Т. Парсонса человеку помогает выжить в социуме: адаптация, интеграция, поддержка, достижение цели (Парсонс, 1998). Во второй половине XX в. и начале XXI в. стали появляться немало публикаций, касающиеся социального поведения человека и групп во время кризиса, катастроф, стихийных бедствий и вооруженных конфликтов.

Выживание понимают, как сохранение человека в качестве целостного биологического и социального образования в трудных условиях. В этом важное значение имеет «мотивация на самосохранение» (Дружилов, 2012). В данном явлении М. Ш. Магомед-Эминов выделяет два аспекта: самосохранение индивида (биология) и самосохранение личности (этика, самоуважение, честь и т.п.) (Магомед-Эминов, 1998).

Выживание рассматривают как социальную жизнеспособность, продолжение человеческого общества, в котором нормы выступают высшим арбитром, регулятором отношений (Fisk, 2016). В выживании человека значимо ощущение связи с другими, своей целостности, идентичности (Соловьева, 2018). Взаимодействие естественных инстинктов выживания и интернализованных социальных норм исследованы на примере бедствий кораблей «Титаник» (1912) и Лузитании (2015) (Freya, Savage, Torgler, 2010).

В отдельных работах анализируются способы и стратегии выживания в различных изменяющихся условиях (Быстрова, Евдокимова, 1995: 145-146). В ряд изысканиях достижение консенсуса в мировом обществе, мирное решение социальных

конфликтов видят в утверждении глобальной справедливости (Marinković, Lazić, 2019). Итальянские исследователи, изучая последствия Второй мировой войны в стране, пришли к выводу, что выдержать испытание на выживание помогли три фактора: опора на «остатки былого», то есть прежнего жизненного уклада с его ценностями и признание «различных позиций и подходов», готовность постоянно перестраиваться и изменяться (Джузеппе, Джованни, 2013).

Проблема социального выживания заслуживает изучения, конечно, не только в контексте экстремальной обстановки, но и в системе социальных отношений, общественно-политического устройства государства. На выживание, состояние здоровья и смертности оказывают влияние социальные отношения, уровень социальной интеграции (Soares, Facchini, 2021). Всеобщую озабоченность вызывает неравенство в развивающихся и транзитных странах, с одной стороны, растут возможности в сфере потребления и образования, с другой – углубляется неравенство между богатым и остальным населением (Черныш, 2022: 7). Причем межрегиональное неравенство может быть не менее масштабным, чем различия между странами (Тощенко, 2022: 6).

В свою очередь изменение ценностей людей влияет на экономическое развитие, становление демократии и качество жизни граждан в разных странах мира (Локшин, 2020).

В исследовании были применены социокультурный и деятельный подходы, использовались методы социологических исследований. Социокультурный подход позволил учесть взаимосвязь социальных и этических норм, формы самоорганизации в кризисной обстановке, роль ценностей и норм в продуцировании модели и стратегии социального поведения и социального взаимодействия. В этом контексте выявлено влияние религии на поддержание самочувствия и вселение надежды на благополучие, разрешение ситуации. Деятельный подход

предусматривал изучение проявлений активности индивидов и групп, способов жизнеобеспечения, принятия мер самосохранения в ограниченном пространстве военных действий. Информация о социальном выживании черпалась из непосредственного наблюдения за повседневностью, поведением людей в быту, общественных местах и во время военных действий.

Операционализация понятия «социальное выживание» была произведена через выстраивание блока переменных, характеризующих источники выживания, социальное самочувствие, ощущение безопасности, ценностные ориентации.

В 2003 г. проведено социологическое исследование «Интересы, нормы, ценности в условиях регионального конфликта». Объем репрезентативной выборки чеченцев – 1096 человек, русских и других национальностей опрошено по 100 человек, доверительный интервал соответственно – 2,96% и 9,8%. Создание трех самостоятельных выборок и баз данных было обусловлено отсутствием полной информации об изменении этнодемографической структуры во время вооруженного конфликта. Массовый опрос проводился по месту жительства в форме индивидуального интервью. Вопросы об уровне жизни, настроении, безопасности, ценностной ориентации включались и в периодически проводимые мониторинговые социологические опросы в 2009-2022 годы.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Социальное выживание характеризуется своей спецификой в разные этапы протекания конфликта. В структуре рассматриваемого конфликта можно выделить период предконфликтной ситуации (1988-1991), развития конфликта (сентябрь 1991-2002), который включает относительно мирную фазу (сентябрь 1991-ноябрь 1994), военную фазу (декабрь 1994-август 1996), мирную фазу (сентябрь 1996-август 1999), военную фазу (сентябрь 1999-2002), постконфликтной ситуации (2003 – 16 апреля 2009). В этот пост-

конфликтный период велись восстановительные работы и одновременно сохранялось партизанское сопротивление вооруженных групп преимущественно в горной местности.

В предконфликтной ситуации наблюдается ожидание позитивных изменений, значительного улучшения благополучия у одной части населения, и неопределенность, боязнь негативных последствий у других. С переходом конфликта в открытую форму внутривосстановительного противостояния и обострения противоречий между федеральным центром и новой региональной властью возникают ограничения в функционировании промышленных предприятий, транспортных организаций. Разрыв производственно-экономических связей, социальная дезорганизация, ослабление общего правопорядка формирует нисходящую тенденцию снижения жизненного уровня населения. Следствием этого процесса явились рост преступности, массовая миграция в другие российские регионы.

К изменившейся социальной обстановке с начала конфликта постепенно происходила адаптация, но к лишениям полностью адаптироваться трудно и скорее проявлялось вынужденное терпение. Чрезвычайными становятся обстоятельства с перерастанием обстановки в экстремальную ситуацию в виде военных действий. В таких условиях гражданское население оказывается «между двух огней», поэтому существует необходимость научить его защищаться и правильно действовать в подобных ситуациях (Черников, Мельник, Меремянин, 2016: 218).

Население в регионе не было готово к войне, во-первых, не делались продуктовые запасы, никто не верил, что возможно масштабное военное событие. Во-вторых, с жителями не проводились просветительские беседы с привязкой к местности на случай перерастания политической напряженности в вооруженный конфликт. И лишь наличие в тех или иных кварталах рабочих, инженеров, знакомых с азами гражд-

данской обороны облегчало поиск бомбоубежищ, больших подвалов, емкостей с многолетней устоявшейся водой для пожарной безопасности, которую приходилось кипятить и использовать для питья, приготовления пищи.

Исследование показывает, что социальное выживание нужно рассматривать в органической связи с культурой выживания, когнитивной и организационно-рациональной активностью мирного населения. В канун штурма (31.12.1994) в Грозном находилось не менее 60 тысяч мирных жителей. Во время военных действий в городе происходила точечная локализация домовых и квартальных групп жителей в подвалах и бомбоубежищах. Их отличала в момент артиллерийских атак и бомбовых ударов чрезвычайно высокая плотность. Пребывание в этой ситуации делало жизнь людей крайне примитивной в части соблюдения санитарно-гигиенических, этических норм общежития.

При этом практика общежития складывалась по-разному в разных частях города, в одних случаях люди были рассредоточены в квартирах и домах, а на момент бомбежек собирались вместе в подвальных и иных укрытиях. Прибегали и к другим формам выживания, длительное время жили коллективно в подвальных помещениях, организуясь в «общины», «коммуны». В них совместными усилиями, путем распределения обязанностей обеспечивали жизнестойкость, продумывались вопросы защиты от опасностей, поиска воды, продуктов питания.

Во всех отношениях просчитывались действия «экспедиции» за средствами существования, как правило, такие целевые выходы из укрытия предусматривали отправление не более двух человек разных национальностей, чаще русского и чеченца, с белыми повязками на рукавах. Это могло обезопасить от случайных инцидентов при встрече с представителями федеральных военных подразделений или групп вооруженного сопротивления.

С появлением в 2003 году возможности перемещения по населенным пунктам был проведен массовый опрос по месту жительства. Социологические данные свидетельствуют, все национальные и социальные группы вступили в военную экстремальную ситуацию в состоянии крайней

бедности. За 12 лет (1991-2003) отметили ухудшение материального положения чеченцы – 71%, русские – 57,6%, другие национальности – 34,4%, респондентами были указаны следующие источники доходов (Юсупов, 2012: 81).

Таблица 1

Источники социального выживания (2003, %)

Table 1

Sources of social survival (2003, %)

Источники / Sources	Чеченцы / Chechens	Ранг / rank	Русские / Russians	Ранг / rank
Личные сбережения / Personal savings	17,9	10	0	
Гуманитарная помощь / Humanitarian assistance	20,9	8	15	7
Помощь родственников / Help from relatives	35,8	3	25,1	4
Благотворительность бизнесменов / Charity of businessmen	1,2	13	0	
Работа в организации / Work in an organization	29,4	5	69,9	1
Пособие по безработице / Unemployment benefit	26,7	6	7,6	9
Временные работы по найму / Temporary work for hire	18,9	9	16,7	6
Коммерция, предпринимательство / Commerce, entrepreneurship	7,3	11	2,4	10
Индивидуальный труд / Individual work	21,4	7	37,2	3
Подсобное хозяйство / Subsidiary farm	46,3	1	22	5
Пенсия / Pension	39,8	2	65,6	2
Детское пособие / Child benefit	30,4	4	14,3	8
Другое / Other	4	12	0	

*Допускались 1-3 ответа

У чеченцев средством жизнеобеспечения являлись, прежде всего, подсобное хозяйство, пенсии, помощь родственников и детские пособия, русских – работа в организации, пенсии, индивидуальный труд и помощь родственников. Гуманитарная помощь по значимости у опрошенных русских и чеченцев на 7 и 8 месте. Благотвори-

тельность бизнесменов в качестве источника выживания русские не указали, а среди чеченцев отметили – 1,2%.

Индекс уровня жизни чеченцев составил – 2,49, русских – 2,52, других национальностей – 2,74¹. Самооценки уровня жизни ниже среднего, но несколько завышены, так как свое материальное положение респонденты сравнивали скорее не с

¹ Индекс рассчитан присвоением вариантам ответов баллов по пятибальной шкале.

жизнью в сопредельных территориях и других субъектах РФ, а с недавно пережитым состоянием в регионе.

Следует отметить, что на институциональном уровне оперативно принимались меры восстановления коммунальной инфраструктуры, электролиний, водоснабжения, сразу после освобождения территорий от вооруженных групп сопротивления. Так, в середине февраля, до полного освобождения Грозного, в его северной части был открыт Центр гуманитарной помощи, людям раздавались одежда, продукты питания.

С воссозданием органов муниципального управления и установлением социально-правового порядка начинали функционировать объекты жизнеобеспечения, мелкий бизнес в сфере торговли и быта, выплачивались населению пенсии, детские пособия, а работающим зарплата.

В результате начала военных действий в регионе произошла трансгрессия, из нормальной повседневной жизни люди оказались вдруг, в ночь 31 декабря 1994 года на утро в ненормальной, кажущейся невозможной, опасной для жизни экстремальной военной ситуации. Однако не было впадения в протрацию, но все испытали шок, мобилирующий на сохранение жизни, принятие мер самозащиты. Темпоральность обстановки состояла во взаимосвязи временно сложившихся обстоятельств и особенностей выстраивания организационных форм и норм устройства жизни в ограниченном локализованном пространстве.

Наблюдения и результаты исследования показывают, физическое выживание в условиях вооруженного конфликта, особенно в зимний период, напрямую связано с наличием продовольствия, воды, тепла, так как в первые же сутки начала военных действий разрушается коммунальная инфраструктура, водопроводные и электрические линии, здания оказываются без стекол.

² Результаты социопроса «Интересы, нормы, ценности в условиях регионального конфликта», 2003.

В принципе правильно утверждение Абрахам Маслоу о том, что человек, который нуждается в пище, безопасности, любви и уважении, скорее всего, будет желать пищи сильнее всего остального (Маслоу, 2008: 61).

Однако в реальности картина военной экстремальной ситуации не столь однозначна, потребность в пище и безопасности как бы чередуется в зависимости от обстоятельств. В условиях Грозненского военного быта попеременно актуализировалась острота потребности, то в пище, то в безопасности. В момент массированных обстрелов пропадает чувство голода, людей одолевает чувство страха, мысли «уцелею», «останусь в жизни».

В 2003 году испытывали опрошенные чеченцы тревогу (64,4%), усталость (53,0%), страх (41,8%), обиду (18,5) унижение (18,3). Русские – тревогу (65,0), усталость (48,0%) страх (33,0%), отчаяние (22,0%)². Эти чувства безысходности и обреченности нейтрализуются проявлением солидарности, которую Э. Фром рассматривает как лучшую гарантию безопасности (Фром, 2011). Экстремальная ситуация доставляет фундаментальную угрозу, тревогу и бедствие, но она также представляет испытание воли, стойкости, духовности, мужества, человечности (Магомед-Эминов, 2009: 16).

Таким образом, наряду с материальными ресурсами, самоорганизации исключительно важен социокультурный и эмоционально-психологический компонент. На происходящее событие были разные взгляды у русских и чеченцев, в свою очередь и среди чеченцев. Но в данной обстановке главным признавалось всеми самосохранение через единение и взаимопомощь. По результатам позже проведенного социологического опроса в жизни очень часто и часто проявляется взаимопомощь (74,2%), сотрудничество (59,3%)³. Характерно, что по истечении 9 лет эти показатели не

³ Результаты социопроса «Социокультурные проблемы в период восстановления и развития региона», 2009.

уменьшились, а возросли и составили соответственно 82,9% и 66,7%⁴.

Словом, люди, качество их человеческого капитала, определяют жизненные шансы и характер настоящего и крайне важно иметь в ментальности оптимизм, человеколюбие (Кравченко, 2021:160). Возможность единения и выживания совместными усилиями объясняется и тремя решающими причинами, во-первых, солидарность, интеграция, взаимопомощь универсальные ценности, присущие индивидам и группам, независимо от их национальной, социально-профессиональной принадлежности и вероисповедания, во-вторых, локализующиеся в зоне боевых действий группы людей были старожилыми, многие знали друг друга по соседским отношениям или по работе в одних организациях и предприятиях. В-третьих, в региональном пространстве не было межэтнических и межрелигиозных противоречий, протекающий конфликт был не межэтнический, а территориально-политический (национально-политический), в котором не участвовали представители местных русских и других национальностей.

В организационном отношении уместно подчеркнуть, что в локализованных группах запрещалось стихийно определившимися лидерами вслух высказываться пессимистически, пресекались любые проявления панических настроений. Отрицательные эмоции можно было выплескивать, критикуя власть, но сложившийся «формат» предполагал, что русский, возмущаясь Д. Дудаевым, должен называть ответственным за происходящее и Б. Ельцина. И наоборот, чеченец, критикуя Б. Ельцина называл в качестве виновного и Д. Дудаева. Нарушение в этом баланса могло внести в «общину» дискомфорт, нервозность, дезорганизацию.

В исследовании выяснялась роль религии в выживании в экстремальной военной ситуации. По итогам опроса 2003 года верующий и соблюдаю религиозные обряды отметили опрошенные чеченцы – 87,0%, русские – 21,0%, верую, но не соблюдаю религиозные обряды соответственно – 11,9% и 61,0%. В беседах некоторые русские говорили, что в жизни были неверующими, коммунистами, но в военной обстановке неоткуда было ждать помощи, полагались на Бога. Религиозная обращенность к высшей силе выражала ожидание благополучного исхода военного события. В роли аттрактора выступали такие ценности, как надежда и мысли о будущем для чеченцев соответственно 78,9% и 67,2%, русских – 51,0% и 54,0%⁵.

Бытует мнение, что в регионе вооруженного конфликта не ценят жизни, она обесценивается. Это можно отнести с некоторым допуском к противоборствующим силам. Среди населения, напротив, возрастает осознание жизни как высшей ценности и всей бессмысленности разрешения проблем устройства общества ценою разрушений и огромными человеческими потерями. Данные опроса свидетельствуют, что после пережитого в иерархии ценностей ядро образуют ценности: жизнь, жертвенность, семья, традиции⁶.

В исследовании выяснялась устойчивость памяти о военном событии. Так, о войне говорили в семьях, чеченцы и русские постоянно и часто соответственно 73,0% и 57,0%, иногда 23,0% и 38%. Несмотря на то, что в 2003 г. не было масштабных военных действий, а лишь возникали локальные вооруженные столкновения, правда, проводились «зачистки» с задержанием молодых людей, война и безопасность присутствовали в сознании респондентов как вызывающие наибольшее беспокой-

⁴ Результаты социологического опроса «Социокультурные ценности в контексте социальных изменений в регионе», 2018.

⁵ Результаты соцопроса «Интересы, нормы, ценности в условиях регионального конфликта». 2003.

⁶ Результаты социологического опроса «Социокультурные проблемы в период восстановления и развития региона», 2009.

ство. Это фиксировалось также при социологическом опросе в 2009. Что позволяет сделать вывод о том, что перенесенные угрозы жизни по инерции могут сохраняться в сознании людей длительное время и после прекращения подобных угроз опасностей, посттравматические стрессы постепенно трансформируются в культурные травмы.

В этом смысле справедливо утверждение о том, что социальная и культурная травма возникает на теле общества как совокупный результат событий и процессов, грубо и деструктивным образом вторгающихся в жизненно важные для его здорового функционирования сферы (Волков, 2022:17). В чеченском сознании наблюдается не замена, а оттеснение на второй план старых травм свежей травмой, ранее называлась депортация как оказавшая сильное отрицательное влияние на развитие народа, теперь, чаще молодежь, называет прошедшие в регионе две войны.

Во время военных действий люди почти не болели, произошла внутренняя мобилизация на биопсихологическом уровне, но после, как и предсказывали врачи, произошел всплеск различных, заболеваний, особенно нервно-психического характера. С военными последствиями не все справились психологически и это стало проявляться в ходе восстановления мирной жизни. Мобилизованные в экстремальных обстоятельствах организмы людей расслабляясь обнаруживали недуги, обострялись хронические, происходит вспышка заболеваний инсульта, сердечно-сосудистых. Так, в группе больных инсультом, с артериальной гипертонией по сравнению с группой здоровых лиц чаще встречались респонденты, у которых во время войны погибли, умерли, тяжело заболели родственники (Юсупова, 2015:78).

Другим следствием войны является длительность восстановления экономики и

обеспечения социально-трудовой занятости. В канун и во время военных действий в состоянии выживания находилось тотально все население. С наступлением мирного строительства, восстановление объектов жизнеобеспечения и социально-экономической сферы, обеспечение трудовой занятости многих, приводит к заметному улучшению благополучия жителей, но не менее трети и в настоящее время социально выживают.

Прожиточный минимум в 2018 году в расчете на душу населения составлял в стране 10 328 руб., в ЧР – 10197 рублей, а по результатам социологического опроса этого же года ежемесячные доходы из всех источников на 1 человека были 1000-5000 руб. у 40,7% респондентов. Причем отметили, что денег не хватает на повседневные затраты – 13,2% (очень бедные), на повседневные затраты уходит вся зарплата – 27,4% (бедные)⁷.

Заключение (Conclusions). Социальное выживание индивидов и групп в регионе конфликта характеризуется особенностями протекания его в разные фазы и стадии. В предконфликтный и предвоенный период происходит изменение социально-экономических условий, рост миграции, адаптация части населения к новым реалиям, привыкание к конфронтационной и враждебной идеологической риторике. В военной обстановке (1994-1996, 1999-2002) складывается территориальная дезорганизация, перестают существовать социальные и административные институты управления, в социально-региональном и городском пространстве образуется хаотическое состояние. Однако, как показывает исследование, и в этих условиях необходимы в местах локализации групп населения самоорганизация, структурирование и определение функциональной роли членов группы, установление и следование нормам социального поведения адекватно экстре-

¹ Результаты соцопроса «Социокультурные ценности в контексте социальных изменений в регионе», 2018.

мальным обстоятельствам. Первоочередным фактором выживания выступает потребность в продуктах питания и безопасности от внешних угроз разрушений и человеческих потерь. Причем актуальность в пище и безопасности может чередоваться в зависимости от хода военного события. Гипотеза о том, что солидарность и взаимопомощь явятся средством выживания в зоне военных действий, подтвердилась, но ошибочным оказалось предположение о возможности ситуативных конфликтов в подвалах и бомбоубежищах из-за разных политических взглядов и ориентаций, неодинакового восприятия вооруженного конфликта. Такие вербальные проявления не допускались самостоятельными организаторами групп выживания.

В ограниченном и локализованном пространстве под перекрестным огнем верующие и неверующие обращались с мольбой к Всевышнему и это вселяло в них надежду на самосохранение и продолжение жизни.

В коллективном и индивидуальном выживании вначале прослеживается преимущественно эмоционально-психологическая реакция на происходящее вокруг, в дальнейшем люди начинают придерживаться чаще когнитивного и рационально-прагматического подхода к ситуации. Со временем многие оказываются, включая женщин и детей, информированными о разрушительных свойствах различных снарядов, мерах предосторожности в местах локации.

Послевоенное мирное строительство, восстановление социокультурных объектов, развитие коммунальной и транспортной инфраструктуры укрепляет жизнестойкость региональной общности, стимулирует мотивацию на труд и учебу, предпринимательскую активность. В совокупности это служит наряду со специальными мероприятиями здравоохранения важным фактором социально-психологической и медицинской реабилитации населения. В перспективе целесообразно социологически

отслеживать процесс социального выживания, сокращения категорий бедных, социальной, культурной, гражданской и политической идентификации, особенно молодежи, корреляции миграционных намерений с материальным положением и состоянием правопорядка.

Список литературы

Быстрова А., Евдокимова Е., Игнатова С., Серебренникова А., Еремичева Г., Соловьева Н., Травин И. Стратегия выживания населения в изменяющихся условиях // Мир России. 1995. № 2. С.143-176.

Волков Ю. Г. Общество травмы: поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2020. № 9. С.16-27.

Де Рита Д., Рома Дж. Итальянцы в условиях кризиса: испытание на выживание // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10. С.25-28.

Дружилов С. А. Психология выживания личности // Успехи современного естествознания. 2012. № 11-2. С. 54-57.

Кравченко С. А. Интегральное изучение общества: диагностика, лечение, парадигма будущего // Социологические исследования. 2021. № 5. С.157-161.

Магарил С. А. Социальное качество как ресурс выживания государственности // Мир России. 2011. № 3. С.43-66.

Магомед-Эминов М. Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 1. С.13-24.

Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности. М.: Психоаналитическая Ассоциация, 1998. 496 с.

Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер.с англ. СПб.: Питер, 2008. 352с.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.

Соловьева С. Л. Идентичность как ресурс выживания // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 1. С. 5. DOI:10.24411/2219-8245-2018-11050.

Тощенко Ж. Т. Социальные проблемы жизненного мира россиян в современном обществе // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 5-8. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-1.

Локшин И. Карта культурных ценностей Рональда Инглхарта. 2020. URL: <https://postnauka.ru/wtf/154916> (дата обращения 02.02.2023).

Фромм Э. Здоровое общество. М.: «Издательство АСТ», 2011. 482 с.

Черников Д. Н., Мельник К. А., Меремьянин А. В. Особенности выживания мирного населения в угрожающих ситуациях (зоне вооруженного конфликта) // *Международный научный журнал «Символ науки»*. 2016. № 2. С. 218-219.

Черныш М. Ф. Социальные сети и неравенство // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8, № 2. С. 4-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1.

Юсупов М. М. Социально-ценностный аспект постконфликтной реконструкции региона // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 2. С.80-84.

Юсупова М. Социальные факторы риска инсульта (по материалам Чеченской Республики) [монография]. М.: АНО Изд. дом «Научного обозрения», 2015. 188 с.

Freya B. S., Savage D. A., Torgler B. Interaction of natural survival instincts and internalized social norms exploring the Titanic and Lusitania disasters. 1 March 2010. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 107(11):4862-5. DOI: 10.1073/pnas.0911303107/www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.0911303107 (дата обращения 27.01.2023).

Marinković S, Lazić D, Tomić I. and Bolyanović J. The Biological and Social Survival of Humankind. A Review. *Austin Anthropol.* 2019. № 3(1), P. 1005. URL: <https://www.researchgate.net/publication/366622458> (дата обращения 28.01.2023).

Milton F. *Ethics and Social Survival* // Routledge. 2016. 236 p. ISBN 9781138646551. URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/ethics-and-social-survival/> (дата обращения 27.01.2023).

Soares M. U., Facchini L. A., Nedell F. B., Wachs L. S., Kessler M., Thumé E. Social relationships and survival in the older adult cohort // *Rev. Latino-Am. Enfermagem* 29. 2021. URL: <https://doi.org/10.1590/1518-8345.3844.3395> (дата обращения: 27.01.2023).

References

Bystrova, A., Evdokimova, E., Ignatova, S., Serebrennikova, A., Eremicheva, G., Solovieva, N., Travin, I. (1995), "Strategy of survival of the population in changing conditions", *Universe of Russia*, (2), 143-176. (In Russian)

Volkov, Yu. G. (2020), "Trauma Society: Finding a Path to Healing (Invitation to Discussion)", *Sociological Research*, (9), 16-27. (In Russian)

De Rita, G., Roma, G. (2013), "Italians in a Crisis: A Test of Survival", *Living Standards of the Population of Russian Regions*, (10), 25-28. (In Russian)

Druzhilov, S. A. (2012), "Psychology of personality survival", *Successes of modern natural science*, (11-2), 54-57. (In Russian)

Kravchenko, S. A. (2021), "Integral study of society: diagnostics, treatment, paradigm of the future", *Sociological researches*, (5), 157-161. (In Russian)

Magaril, S. A. (2011), "Social quality as a resource for the survival of statehood", *World of Russia*, (3), 43-66. (In Russian)

Magomed-Eminov, M. Sh. (2009), "Definition of an extreme situation", *Russian Psychological Journal*, 6 (1), 13-24. (In Russian)

Magomed-Eminov, M. Sh. (1998), *Transformatsiya lichnosti* [Personality transformation], Psychoanalytic Association, Moscow, Russia. (In Russian)

Maslow, A. (2008), *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality], 3-rd ed. Transl. from English, Piter, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Parsons, T. (1998), *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies], Moscow, Russia. (In Russian)

Solovieva, S. L. (2018), "Identity as a resource for survival", *Medical psychology in Russia*, 10 (1), 5. DOI: 10.24411/2219-8245-2018-11050. (In Russian)

Toshchenko, Zh. T. (2022), "Social problems of the life world of Russians in modern society", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (4), 5-8. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-1. (In Russian)

Lokshin, I. (2020), *Karta kul'turnykh tsennostey Ronal'da Inglekharta* [Map of Cultural Values by Ronald Inglehart], [Online], available at: <https://postnauka.ru/wtf/154916> (Accessed 2 February 2023). (In Russian)

Fromm, E. (2011), *Zdorovoye obshchestvo* [Healthy society], "AST Publishing House", Moscow, Russia. (In Russian)

Chernikov, D. N., Melnik, K. A., Meremyanin, A. V. (2016), "Features of the survival of the civilian population in threatening situations (zone of armed conflict)", *International scientific journal "Symbol of Science"*, (2), 218-219. (In Russian)

Chernysh, M. F. (2022), "Social networks and inequality", *Research Result. Sociology and Management*, 8(2), 4-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1. (In Russian)

Yusupov, M. M. (2012), "Social and value aspect of the post-conflict reconstruction of the region", *Theory and practice of social development*, (2), 80-84. (In Russian)

Yusupova, M. (2015), *Sotsial'nyye faktory riska insul'ta (po materialam Chechenskoj Respubliki)* [Social risk factors for stroke (based on the materials of the Chechen Republic)], monograph, ANO Ed. House of "Scientific Review", Moscow, Russia. (In Russian)

Freya, B. S., Savage, D. A., Torgler, B. (2010), Interaction of natural survival instincts and internalized social norms exploring the Titanic and Lusitania disasters. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107 (11): 4862-5, DOI: 10.1073/pnas.0911303107.

Marinković, S, Lazić, D, Tomić, I. and Bolyanović, J. (2019), The Biological and Social Survival of Humankind. A Review. *Austin Anthropol*, 3 (1): 1005, [Online], available at: <https://www.researchgate.net/publication/366622458> (Accessed 28 January 2023).

Milton, Fisk, (2016), *Ethics and Social Survival*, Routledge, [Online], available at: <https://ndpr.nd.edu/reviews/ethics-and-social-survival/> (Accessed 27 January 2023).

Soares, M. U., Facchini, L. A., Nedell, F. B., Wachs, L. S., Kessler, M., Thumé, E. (2021), Social relationships and survival in the older adult cohort, *Rev, Latino-Am, Enfermagem* [Online], DOI: 10.1590/1518-8345.3844.3395.

*Статья поступила в редакцию 01 июня 2023 г.
Поступила после доработки 20 августа 2023 г.
Принята к печати 15 сентября 2023 г.
Received 01 June 2023. Revised 20 August 2023.
Accepted 15 September 2023.*

**Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.**

Юсупов Муса Мовлиевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Чеченского государственного университета им.А.А.Кадырова, Грозный, Россия.

Musa M. Yusupov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.